

Людмила **БРОДОВСКАЯ**,
кандидат исторических наук

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ

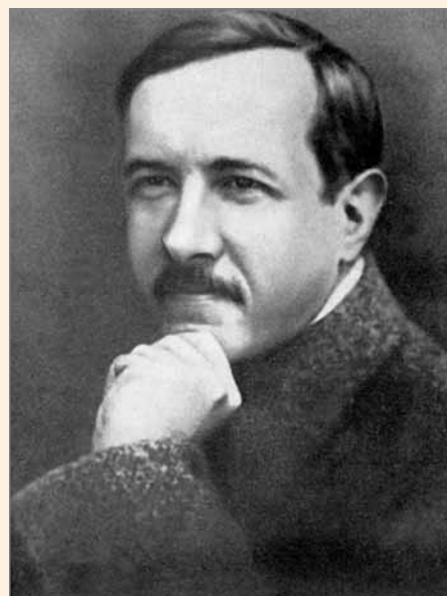
В конце марта 2013 года в Москве состоялся Двадцатый ежегодный международный симпозиум «Пути России: Альтернативы общественного развития 2.0», организованный Московской высшей школой социальных и экономических наук, Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентр), Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, Фонда Розы Люксембург и Благотворительного фонда «Ладога». В рамках симпозиума прошло заседание семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» «Пути провинциальной России: прошлое в настоящем». Роль созданного В. П. Даниловым и Т. Шаниным семинара «Современные концепции аграрного развития» и итоги первых заседаний семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» свидетельствуют о том, что крестьяноведение в отечественной науке выходит на новый уровень своего развития.

Аграрный вопрос для отечественного исторического сообщества остаётся одной из злободневных тем. Отечественная пастораль не даёт не только служителям Клио — представители прикладных дисциплин испытывают серьёзные затруднения в истолковании «деревенского парадокса» рубежа тысячелетий, этого российского аграрного чуда — увеличения объёмов производства, роста экспорта сельхозпродукции¹ и уровня капитализации пашни и угодий², происходящих на фоне угасания общественной и производственной активности на селе³. Аграрная отрасль отечественного хозяйственного комплекса при отсутствии финансирования и государственного патронажа оказалась в состоянии не просто выполнить свои обязанности в деле обеспечения продовольственной безопасности, но и занять передовые позиции на мировых аграрных рынках. Поскольку даже беглый социологический анализ не позволяет выявить на селе точек роста, остаётся лишь констатировать феноменальную неэффективность советской аграрной политики.

Этот вывод создаёт стимул к продолжению аграрных исследований. При этом изучение села предполагает решение двух задач — определение основных характеристик крестьянского хозяйства и описание динамики социальной структуры российской деревни. Досадная метонимия, в результате которой для обозначения некоторых категорий «не горожан» широко используется понятие «крестьянство», окончательно запутывает ситуацию. В конечном итоге поиски крестьянства в современной российской деревне пока что остаются

безрезультатными, поскольку социальные параметры жителей сельских поселений и их структур повседневности не соответствуют таким характеристикам крестьянских сообществ, которые должны были бы рассматриваться в качестве атрибутивных, однако в большинстве случаев игнорируются. В этом смысле для исторического сообщества нахождение «нужных вопросов» представляется более актуальным — хотя бы потому, что «каверзные ответы», в общем, уже даны.

Стойкое неприятие крестьянством «освободительных» проектов уже к концу XIX века заставило интеллектуалов обратиться к изучению социального тела российской деревни. Однако исследовательские усилия тогда сводились преимущественно к выяснению вопроса о месте крестьянства в раскладе политических сил и определению его хозяйственного потенциала. Собственно крестьяне сделались объектом научного анализа лишь тогда, когда оказались включёнными в дискурс организационно-производственного направления (А. В. Чаянов и другие). Но в условиях утверждения методологического «единства» это направление не получило развития, а его представители были ликвидированы. Потребовалось ещё полвека для того, чтобы чаяновские идеи обратили на себя внимание российских гуманитариев. В обстановке методологического ажиотажа начала 1990-х стартовали крестьяноведческие исследования. Под руководством Теодора Шанина началась работа над проектом «Изучение социальной структуры российского села». Крестьяноведческие методики были презентованы в ходе семинара «Современные концепции аграрного развития». Его ма-

А. В. Чаянов.

териалы стали достоянием широкой научной общественности, заподозрившей в новом подходе ключ для открытия ларчика с ответом на крестьянский вопрос.

Вскоре, правда, обнаружилось, что этим ключиком открывался «ящик Пандоры», из которого вырвались темы и проблемы, неудобоваримые для российского исследовательского этоса. Актуальность чаяновских студий не была осознана отечественными исследователями, которые предпочли отказаться от сомнительного наследия. Уже в 1993 году обнаружилось принципиальное расхождение между крестьяноведением и отечественным обществоведением. Камнем преткновения оказалась сакральная нумерология аграрного вопроса. Очевидное для профессионалов «советской выделки» ограничение дис-

кусионного поля вопросом о процентном соотношении беднейшего крестьянства в предреволюционной деревне оказалось неприемлемым для представителя либеральной евроатлантической науки, отказавшегося продолжать бессмысленную с точки зрения социоантропологического подхода дискуссию. По словам Шанина, утверждение о том, что 65 процентов населения деревни могли составлять бедняки, являлось «злой шуткой над логикой современных исследований», однако же и четверть бедняков — непосильная ноша для общины⁴.

В результате крестьяноведы, сделав упор на изучение современной российской деревни, постепенно оставили собственно историческую площадку. В то же время историческое сообщество «преодолеvalo» крестьяноведческий вызов. К концу 1990-х годов дискурсы отечественного крестьяноведения и российской аграрной истории оказались вполне автономными, что явно не пошло на пользу им обоим. Ведь крестьяноведческие подходы слабо применимы к современному отечественному сельскому хозяйству, прекрасно обходящемуся и без крестьян. С другой стороны, разглядеть проблемное ядро аграрной истории вне контекста чаяновско-скоттовских подходов немислимо. Историческое сообщество либо не замечает, либо не желает замечать инструментария, потребного для продвижения в сфере аграрной истории. Опыт реализации научного проекта «Народ и власть: история России и её фальсификации» в 2009–2013 годах — зримое свидетельство того, что на сегодняшний день исторической корпорации удалось успешно преодолеть последствия крестьяноведческого соблазна и вновь оказаться в состоянии искреннего недоумения перед вызовами ушедшей реальности. Тогда как редкие ныне набег на пастбища Клио, совершаемые из-за стен Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) — оказавшейся последним бастионом крестьяноведения в России — являются весьма убедительной демонстрацией неизменной эффективности использования приёмов из арсенала сторонников концепта моральной экономики для решения, а главное — простановки проблем российской истории рубежа XX–XXI веков.

Едва ли не всё, что закрепилось в историческом нарративе со времени дебюта крестьяноведения в отечественном исследовательском пространстве, — концепт «общинной революции», сформулированный в 1993 году казанскими

историками Владимиром Бухараевым и Дмитрием Люкшиным. С его помощью удалось решить проблему непротиворечивой интерпретации хронологии «17-го года» за пределами российских столиц.

Однако до сих пор остаётся нереализованной очевидная программа расширения исследовательского поля. Ведь «люди 17-го года» сформировались не в годы мировой войны, а на рубеже прошлого и позапрошлого веков. В свою очередь исследование тектоники социального пейзажа, обусловленной коллизиями общинной революции, открывает заманчивые перспективы в изучении феномена сталинизма. Но невостребованность крестьяноведческой методологии может служить отличной иллюстрацией к модному в первые постсоветские годы в среде либерально настроенных интеллектуалов тезису о неспособности исторического сообщества к мобильной и адекватной реакции на изменение политического антуража. Сегодня приходится констатировать, что примирение дискурсивной формации с действительностью, предпринимаемое силами самого научного сообщества, требует недюжинных усилий и значительных ресурсов.

Возможное затруднение обусловлено также и медленным осознанием того, что методы истмата и других позитивных доктрин не позволяют соответствующим образом «настроить поисковую оптику», а пропагандируемое некоторыми крестьяноведами «возвращение к корням» посредством безоговорочной рецепции чаяновского наследия не всегда возможно и плодотворно. Более того, флёр мученичества, отличающий историографию организационного направления, фактически «работает» на иллюзорную версию поливариативности развития страны после 1917 года. Все эти бухаринские, чаяновские и прочие «альтернативы» мобилизуются ныне лишь романтиками, полагающими, что при строительстве социализма можно обойтись без ГУЛАГа.

Место Чаянова, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева и других представителей «организационного направления» в историографии российского крестьянства определяется не парой цифр или удачной интерпретацией⁵ — они предложили иной взгляд на смысл и направление истории. Идея состояла в том, чтобы перестать смотреть на страну с колокольни «Ивана Великого», хотя им самим решение собственно исторических задач, кажется, не представлялось насущной проблемой. Методологический дрейф из-под сени «Александрийского столпа»,

начатый Чаюновым и его сторонниками в начале прошлого века, был скорее инстинктивной попыткой развернуть объект исследования под более удобным углом, нежели целевой модернизацией подхода. Хотя большевистское руководство уже тогда настолько высоко оценило потенциал этой методологии, что сочло за благо избавиться от неудобной теории.

Предложенная Дж. Скоттом методология моральной экономики представляется более функциональной. Она позволяет эффективно использовать междисциплинарный подход, поскольку открывает возможность прямого включения обобщений, сделанных с помощью мобилизации исследовательских приёмов крестьяноведения, в состав исторического нарратива. Эта особенность метода моральной экономики весьма полезна для отечественной историографии, где единство дискурса по-прежнему полагается самоценным. На этом направлении за крестьяноведением тоже числятся определённые достижения. Именно благодаря представлению о крестьянской общине как об особом рода корпорации, призванной обеспечить выживание её членов, мысль о том, что труд не является базовой характеристикой крестьянского хозяйства, а, скорее, иницилирующим ритуалом, санкционирующим в рамках деревенской неформальной иерархии доступ к общественным ресурсам, обрела в аграрной истории статус полемикального тезиса. Немалое достижение, если принять во внимание, что почти все отечественные, да и зарубежные наблюдатели деревенской повседневности, начиная со второй половины XIX века, сходились на том, что крестьянство — не жизненная философия, а всего лишь способ существования, который не является препятствием для реализации самого разнообразного спектра жизненных стратегий⁶.

Результаты, получаемые в ходе реализации проектов, мобилизующих крестьяноведческие методики, зависят от способностей и добросовестности исследователей, что заставляет квалифицировать сам подход как относящийся скорее к области искусств, нежели науки. Размывание границ между *Science*, *Study* и *Art*⁷ предполагает существенные предпочтения для неформальной научной традиции. Подобное положение вещей является обычным в русле евроатлантической традиции, однако для отечественного научного сообщества этот методологический плюрализм выступает раздражающим фактором, а создаваемые им неудобства обуславливают до-

полнительные сложности как в восприятии крестьяноведческой теории, так и в применении её к исторической фактуре.

Это обстоятельство способствовало затуханию интенции, сообщённой отечественному гуманитарному сообществу в начале 1990-х годов Теодором Шаниным. Даже новообращённые крестьяноведы не спешили прокламировать родство с сомнительным с точки зрения верификации дискурсом, сосредоточившись на полевых исследованиях. Между тем дела в историческом цехе тоже идут далеко не блестяще. Современная аграрная история продолжает кружить вокруг тем, в рамки исторического дискурса не помещающихся. Поэтому вопрос о восстановлении связи крестьяноведения и истории витал в воздухе. Решение этой задачи приняли на себя подвижники. Инициатива рецепции крестьяноведения принадлежала двум московским исследователям — П. П. Марчене и С. Ю. Разину, которые с 2009 года развернули научный проект «Народ и власть: история России и её фальсификации». 23 октября 2009 года на круглом столе «Народ и власть в российской смуте»⁸ в Институте социологии РАН была предпринята попытка вскрыть формы взаимодействия власти и народа в ситуациях системных кризисов российского общества⁹. Анализ взаимоотношений крестьянства и власти составил тему следующего круглого стола — «Крестьянство и власть в истории России XX века»¹⁰, состоявшегося 12 ноября 2010 года¹¹. Там крестьянский вопрос был представлен в качестве узловой проблемы россиеведения¹². Одним из заметных итогов работы круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» стала идея организации

теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», выдвинутая представителями Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ А. М. Никулиным и В. В. Бабашкиным — активными участниками семинара «Современные концепции аграрного развития» — и соавторами проекта «Народ и власть» Марченей и Разиным. Этот проект мыслился как продолжение диалога, прерванного в середине 1990-х.

Практическим воплощением конвенции крестьяноведов стали заседания этого семинара¹³ и международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство»¹⁴, прошедшие в РАНХиГС в 2011 и 2012 годах. В ходе состоявшихся дискуссий были затронуты темы содержания и функции крестьянского вопроса в российской истории и культуре, расслоения крестьянства, правового дуализма как фактора русских смут и революций. Особое внимание участников было привлечено к исследованию механизмов «общинной революции», что открывает перспективы внятного ответа на вопрос об истолковании века двадцатого как эпохи рурализации либо дерурализации социума в нашей стране.

Оригинальное истолкование получили вопросы о причинах и итогах российских аграрных реформ XIX–XX веков. Дальнейшее развитие приобрела тема сценариев социального сотрудничества государства и сельского мира в рамках имперских стратегий досоветского и советского периодов. Был поднят вопрос о цивилизационной специфике и социальной цене российской модернизации. В ходе работы семинара проявилась гео-

графия крестьяноведческих сообществ России, включающая Москву, Казань, Коломну, Орёл, Пензу, Тамбов, Новочеркасск... Участники семинара продемонстрировали высокий профессионализм и обнаружили серьёзный уровень в понимании и использовании крестьяноведческого подхода. Поэтому выявление уже в ходе второго заседания нового исследовательского объекта — темы «Сталинизм и крестьянство» — едва ли можно считать случайной удачей.

Осмысление советской истории в формате оппозиции государства и периферии мыслимо лишь в формате крестьяноведческого подхода, поскольку позитивная наука «скользит» над этой темой, не улавливая внутреннего напряжения социума, лишённого организационной структуры сопротивления. Между тем именно ревизия итогов общинной революции, предпринятая в ходе мобилизации национальных ресурсов на нужды новой мировой войны, предстаёт с точки зрения моральной экономики ключевым сюжетом советской истории 1930–1940-х годов. И хотя среди участников семинара не достигнуто пока единого мнения относительно содержания и сочетаемости категорий нового дискурса, уже сама по себе постановка этой проблемы есть успешное продолжение процесса возвращения истории нашей страны её главного актора, которым до середины прошлого века было крестьянство.

Подводя итоги работы круглого стола «Сталинизм и крестьянство», Теодор Шанин отметил, что для его участников пришло время поговорить «по-настоящему». И на этот раз российские историки, кажется, готовы к разговору «без дураков».

г. Казань

Примечания

1. Россия в конце первого десятилетия XXI в. занимала 3-е место в мире среди экспортеров зерна. См.: Popova N. Farmers Look at Soaring Food Prices and Sight//The Moscow Times. 2008. 19 June.
2. См.: Виссер О., Спор М. Захват земель в постсоветских странах// Крестьяноведение: Теория. История. Современность. 2011. Вып. 6. С. 83–85.
3. См.: Никифоров Л. В., Кузнецова Т. Е. Интегрированная система «город–село» как фактор эффективного использования городского и сельского потенциала// Там же. С. 111–113.
4. См.: Отечественная история. 1993. № 6. С. 105.
5. Н. Д. Кондратьеву оказалось вполне достаточно статистических выкладок, чтобы показать некомпетентность большевистской аграрной стратегии (см.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. 1991), а С. Ф. Платонову было довольно и простой логики, чтобы на нарах питерских «Крестов» указать «попустительство крестьянства» в качестве основной причины «существования соввласти». См.: Академическое дело 1929–1931 гг.

СПб. 1993. С. 30.

6. Трудовая деятельность оставалась наиболее распространённым жизненным сценарием в российской деревне начала прошлого века, однако нет никаких оснований утверждать, что именно объёмы затрачиваемого труда обуславливали место крестьянина в иерархии сельского мира.
7. Формирование пространства «Science Art», например, ещё только становится предметом рефлексии для передовых представителей российского научного сообщества. См.: Мигунов А. С. и др. Феномен научного искусства: истоки, сущность, терминология [предисловие]// Научное искусство: Тезисы I Международной научно-практической конференции. М. 2012. С. 35–54.
8. В работе круглого стола приняли участие более 30 исследователей, представлявших научные организации, вузы и академические издания России (Москва, Курск, Самара, Саратов, Ульяновск) и Беларуси (Минск) — см.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: Ч. 1–6// Власть. 2010. № 4. С. 14–17; № 5. С. 10–14; № 6. С. 13–17; № 7. С. 9–14;

№ 8. С. 9–13; № 9. С. 16–21.

9. См.: Они же. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России// Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 288–302.
10. В заседании круглого стола участвовали 43 специалиста из России, Беларуси и Украины (Казань, Киев, Коломна, Курск, Минск, Москва, Новочеркасск, Орёл, Пенза, Саратов, Тамбов, Ульяновск). См.: Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: Части 1–2// Власть. 2011. № 8. С. 61–71; № 9. С. 173–184.
11. В ряде ведущих рецензируемых журналов были опубликованы материалы этих круглых столов и аналитические статьи по их проблематике См., напр.: Марченя П. П., Разин С. Ю. Народ и власть в русской смуте// Обозреватель–Observer. 2010. № 7. С. 96–103; Они же. Империя и Смута — инварианты российской истории// Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134; Они же. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к...?// Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 48–65; Они же. «Империя» и «Смута» в современном россиеведении// Новый

исторический вестник. 2011. № 4. С. 89–96; Они же. Крестьянство и власть как «две России»// Обозреватель — Observer. 2011. № 9. С. 18–25.
12. Они же. Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века»)// Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360; Марченя П., Разин С., Ионов И. Крестьянство и власть в истории России XX века: по итогам Международного круглого стола// Общественные науки и современность. 2012. С. 79–95.
13. См.: Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций// Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С. 29–44; Они же. Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»// Российская история. 2012. № 5. С. 217–219.
14. Публикации проекта и о проекте размещаются в свободном доступе в Открытом Архиве научного информационного пространства системы «Соционет» (<http://socionet.ru/collection.xml?h=repes:rus:qtqvuj>).